

УНИКАЛЬНЫЙ ЭКСПОНАТ МУЗЕЯ “ПРУССИЯ”

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ КУЛАКОВ

В ноябре 1999 г. в форте № 3 (ныне – у поселка Северная Гора на северной окраине г. Калининграда) внешнего кольца укреплений бывшей столицы Восточной Пруссии сотрудниками Калининградского историко-художественного музея было начато извлечение археологических экспонатов Музея “Пруссия” (Prussia-Museum). Эти бесценные исторические сокровища были депонированы в помещениях форта между сентябрем 1944 г. и январем 1945 г. (Валуев, Скворцов, Кулаков, 2000, с. 101) в ожидании улучшения фронтовой обстановки и обретения возможности дальнейшей эвакуации экспозиции музея “Пруссия” в западные области Третьего Рейха. Однако, в отличие от фондов этого Музея, перевезенных в г. Деммин (Восточная Германия) в 1943 г. (Кулаков, 2000а, с. 211), археологическая экспозиция и после окончания Второй мировой войны не покинула Восточную Пруссию. За послевоенные 50 лет ящики, в которых были упакованы артефакты, истлели или были сожжены, сами находки мелкими группами неоднократно перемещались по территории форта № 3, занятого одним из подразделений Советской Армии. В результате этих перемещений большая часть экспонатов утратила музейную индексацию, помещенную или на картонных бирках (они привязывались проволокой к экспонатам), или нанесенную белой масляной краской на сам экспонат. Однако режимность объекта, в который был превращен форт № 3, сохранила эти находки от расхищения. В 1990 г. после снятия секретности этого объекта отдельные экспонаты стали интересовать “любителей древности” и в конечном итоге попались на глаза калининградскому антиквару М. Пестрякову, сообщившему об этом в Калининградский историко-художественный музей. Работы, начатые музейными сотрудниками в форте № 3 осенью 1999 г., были продолжены в июне 2000 г. Именно тогда среди множества иных находок был обнаружен предмет, сразу обративший на себя внимание своей уникальностью.

Это был серебряный, в углублениях сохранивший позолоту великолепного качества миниатюр-

ный наконечник ремня. Он представляет собой литую в восковой форме пластину размером 4,5х2,4 см и толщиной от 0,2 до 0,4 см, имеющую форму усеченного эллипса с утолщенным антропоморфным навершием. Данный артефакт является частью большего по длине наконечника ремня, надрубленного и сломанного. Судя по наличию шести парных отверстий у линии слома, артефакт использовался по своему прямому назначению и после слома. Лицевая сторона наконечника украшена золоченым орнаментом в виде исполненных в высоком рельефе трех фигурок животных в стиле, совмещавшем как черты Борре, так и Еллинг, помещенных в овальные зоны. Обратная сторона наконечника украшена инкрустацией из серебряной черненой (?) проволоки, представляющей асимметричную плетеную фигуру в стиле Еллинг (рис. 1) и нанесенную на изделие до его разлома. Даже при поверхностном осмотре данного экспоната явствует его скандинавское происхождение. Отсутствие прямых

Рис. 1. Серебряный золоченый наконечник ремня из экспозиции Музея “Пруссия” (справа – лицевая сторона, слева – оборотная сторона). (Фонды Калининградского историко-художественного музея (идентификационный № 335)).

аналогов среди североευропейских древностей эпохи викингов подчеркивает уникальность данного артефакта. Музейный шифр на экспонате отсутствует, в связи с этим трудно установить место его находки. Ни в одном из известных нам каталогов постоянной экспозиции Музея "Пруссия" (Tishler, 1880; Vujack, 1897; Gaerte, 1935) и в каталогах происходивших в нем выставок (Engel, 1929; Gaerte, um 1934; Kleemann, 1937) это экспонат не упоминается, хотя этого он, несомненно, заслуживал. Логично предположить факт поступления этого уникала в музейные коллекции после выхода в свет последнего каталога Музея "Пруссия". В 1935–1939 гг. (после начала войны раскопки на памятниках эпохи викингов в Восточной Пруссии не проводились) изучались два могильника (Mühlen, 1975, p. 12, 14), содержащие скандинавские древности эпохи викингов: Neustädterfeld, Stadt Elbing (ныне-ул. Moniuszki, Elbląg, Polska) и Kaup bei Wiskiauten, Kr. Samland (ныне – пос. Моховое, Зеленоградский р-н Калининградской обл.). Оба могильника содержат останки жителей полиэтничных торговых центров (недавно высказано мнение считать такие поселения "городами" – Фроянов, Михайлова, 1999, с. 232, 233), созданных в земле пруссов с участием скандинавов соответственно на рубеже VII–VIII вв. (Truso, ныне – Janów Pomorski) и в начале IX в. (Kaup, ныне – пос. Моховое) (Кулаков, 1996, с. 138, 144). Данные о раскопках третьего в Восточной Пруссии памятника, содержавшего большое количество находок скандинавского облика – Linkuhnen, Kr. Niederung (ныне – пос. Ржевское, Славский р-н Калининградской обл.) – после 1932 г. отсутствуют. Кроме того, интересующий нас экспонат мог появиться в музейной экспозиции как случайная находка, был закуплен у частного лица (что менее вероятно) или происходил из раскопок, проводившихся немецкими археологами в рамках программы "Ahnenerbe" (Кулаков, 2000б, с. 262, 263) на оккупированной вермахтом территории. При отсутствии данных о происхождении наконечника ремня, экспонировавшегося в Музее "Пруссия", следует попытаться охарактеризовать данный археологический уникум типологически. Возможно, это позволит установить его дату и потенциальное место обнаружения.

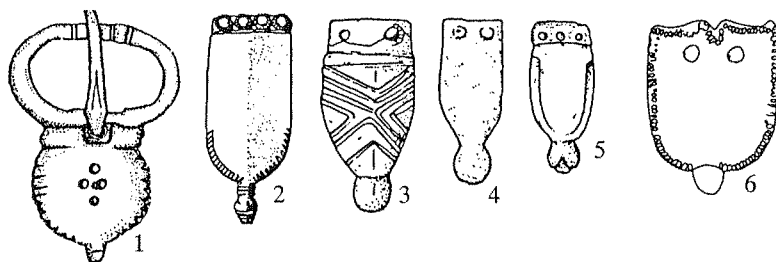
По своей форме и параметрам наконечник из Музея "Пруссия" близок типу "наконечники ремня с выступом" (Knopfriemenzungen), во второй половине VIII в. "широко распространенному между Северным морем и Адриатикой" и несущему, как считается, раннекарolingский орнамент типа Tassilokelch в различных формах его развития (Zoll-Adamikowa, 1998, p. 517). Такие бронзовые, нередко сохраняющие следы золочения, миниатюрные наконечники ремня интерпретируются как детали

крепления шпор или относятся к комплексу обувных ремней (Zoll-Adamikowa, 1998, p. 517) знати, связанной с карolingской культурой на ранней фазе ее развития. Рассмотрение всего комплекса наконечников с выступом, известных в европейских древностях указанной эпохи, позволяет выделить три группы артефактов, отвечающих признакам этого типа (наличие выступа и поперечной площадки с заклепками (от 2 до 4 экз.) на противоположной стороне наконечника):

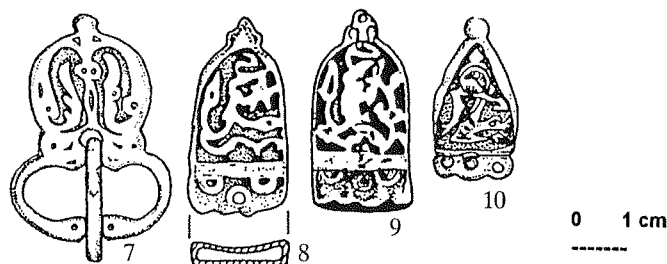
Группа 1 (рис. 2, верхний ряд). Наконечники длиной от 3,5 до 2,5 см, пропорция параметров корпуса – от 1/2 до 1/3, украшены насечками по части периметра (рис. 2:2,6) или прорезным орнаментом (рис. 2:3). По своим параметрам и принципам декора они имитируют обоймицы византийских пряжек варианта 4-3 типа II отдела "малые пряжки византийского круга", по А. И. Айбабину, второй половины VII в. (Айбабин, 1990, с. 43) (рис. 2:1) и распространены по восточной границе державы Каролингов.

Группа 2 (рис. 2, средний ряд). Наконечники длиной около 3,5 см, пропорция параметров корпуса – около 1/25, украшены орнаментом, относимым к типу Tassilokelch (рис. 2:8–10). По своим параметрам и принципам декора они имитируют обоймицы византийских пряжек типа Syrakus (рис. 2,7 – вариант 1) около 600–630 г. (Eger, 1996, p. 345) и вместе с артефактами группы 1 распространены по восточной границе державы Каролингов. При внимательном рассмотрении наконечников со "звериным орнаментом" выясняется, что их мастера не воссоздают традиции 2-го Общегерманского звериного стиля, что соответствует нормам стиля Tassilokelch, а пытаются имитировать часть композиции из симметричных пальметт по византийским образцам декора, представленным на пряжках типа Syrakus (см. рис. 2:8, 9). Если это предположение является справедливым (более логичное обоснование происхождения декора на "раннекарolingских" наконечниках ремня отсутствует), то миниатюрные наконечники с выступом не могут появиться в середине VIII в. (дата имеет явно искусственное происхождение: в 751 г. с переходом власти в руки Пипина Короткого начинается династия Каролингов). Близость их декора орнаменту на византийских пряжках, не переживающих рубеж VII–VIII вв., указывает на возможность их датировки первой половиной (если не началом) VIII в. Следует обратить внимание на то, что наконечников с выступом в византийском поясном наборе нет. Соответствие "раннекарolingских" артефактов щиткам пряжек, относимым В. Б. Ковалевской к формам 7в и 7г (Ковалевская, 1979, рис. 3) на первый взгляд лишено логики. Однако этот вопрос проясняется при рассмотрении наконечников, которые объединяет **Группа 3** (рис. 2, нижний ряд).

Группа 1

Группа 2

Группа 3

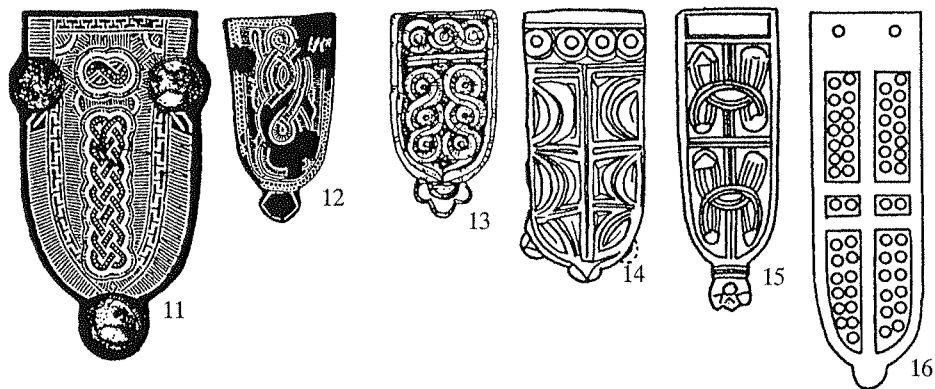

Рис. 2. Три группы наконечников с выступом в Западной и Северной Европе (VI–IX вв.) и их прототипы. Группа 1: 1 – византийская пряжка из могилы 218 Эски–Кермен (Крым), около 650–675 гг.; 2 – наконечник ремня из Podsused (Чехия); 3 – наконечник ремня из Mikulčice, Gr. 108 (Чехия); 4 – наконечник ремня из Olomouc (Чехия); 5 – наконечник ремня из Mikulčice, Objekt 673 (Чехия); 6 – наконечник ремня из экспозиции Музея “Пруссия” (сборы В. Н. Строкина, 1967 г.); Группа 2: 7 – византийская пряжка из склепа 193 Эски–Кермен, около 650–700 гг. (Крым); 8 – наконечник ремня из Petronell, Bez. Bruck an der Leitha (Австрия); 9 – бронзовый наконечник ремня из замка Wawel, Kraków (Польша); 10 – наконечник ремня из Prambachkirchen, Bez. Eferding (Австрия); Группа 3: 11 – поясная накладка из Chivres, Dép. Aisne, около 650–700 гг. (Франция); 12 – наконечник ремня из погребения епископа Эндолуса, около 650–700 гг., Saint-Evre, Dép. Meurthe-et-Moselle (Франция); 13 – наконечник ремня из Stará Kouřim (Чехия); 14 – бронзовый золоченый наконечник ремня из Helgö, VIII–IX вв. (Швеция); 15 – бронзовый наконечник ремня из погр. 149 Yrzekarpinis, VIII– начало IX вв. (Зеленоградский р-н Калининградской области); 16 – наконечник ремня из погр. 618 Birka (Швеция), около 800–850 гг. (1 – Айбабин, 1990, с. 43, рис. 48:7; 2 – Wamers, 1998, Abb. 7:a; 3 – Zoll-Adamikowa, 1998, Abb. 2:d; 4 – Zoll-Adamikowa, 1998, Abb. 2:b; 5 – Zoll-Adamikowa, 1998, Abb. 2:c; 6 – фонды Калининградского историко-художественного музея; 7 – Айбабин 1990, с. 43, рис. 42:8; 8 – Zoll-Adamikowa, 1998, Abb. 1:b; 9 – Zoll-Adamikowa, 1998, Abb. 1:a; 10 – Zoll-Adamikowa, 1998, Abb. 2:h; 11 – Bertram, 1994, S. 214. Nr. 77; 12 – Quast, 1999, Abb. 8:3 (возможно, масштаб в рисунке 1:1,5); 13 – Zoll-Adamikowa, 1998, Abb. 2:e; 14 – Holmquist, Arthenius, 1964, p. 63, Fig. 13:l. Nr. 3600; 15 – Кулаков, 1999, рис. 160; 16 – Nerman, 1943, Taf. 86:5).

Наконечники длиной от 3,5 до 6,5 см, пропорция параметров корпуса – от 1/2 до 1/3, украшены преимущественно “плетеным” орнаментом, исполненным в технике Kerbschnitt (рис. 2:13–15). По своим пропорциям, очертаниям и ритмичным “плетеным” фигурам (мотив C – schräglaufendes Winkelband-Muhl, 1994, p. 47. Abb. 32), представленным на артефактах по их вертикальной оси, эти наконечники продолжают линию развития железных, инкрустированных серебром ремневых накладок меровингской эпохи. Они украшали пояса франкской знати около 650–700 гг., располагаясь на поясе симметрично пряжке и являясь копией ее обоймицы. Как и византийцы, франки использовали в своих поясах наконечники, отличные по своей форме от обоймиц пряжек. Скандинавы вендельского времени и славяне были знакомы с элитной продукцией франкских мастеров, получая ее в VI–VIII вв. в обмен на янтарь и невольников (Žak, 1979, p. 53, 54). Интересующие нас наконечники группы 3, дериваты меровингских артефактов, использовались, возможно, уже с начала VIII в., и принадлежали знати, связанной с франками эпохи Меровингов не этносом, а, скорее, культурно–политическими амбициями, проявляемыми ею вдали от центров державы Карла Великого. Этим и объясняется стремление к подражанию деталям западноевропейских поясных наборов, но уже в иной, более примитивной технике (бронзовое литье по восковой модели с последующим золочением) и с нарушением структурных норм франкских поясных наборов. Переработка, которой подверглась на рубеже меровингской и каролингской эпох традиция использования форм обоймиц пряжек в виде наконечников ремней, охватила как франкское, так и византийское наследие. В обоих случаях мастера, удовлетворявшие эстетические воззрения элиты общества на дальних рубежах каролингского мира и за его пределами, “превратили” обоймицы пряжек в наконечники ремней. Правда, в случае с наконечником из погр. 618 Birka, по комплексу, относящемуся к раннему IX в. (Nerman, 1943. Tafel 86:5), следует предполагать использование не меровингских или каролингских (как принято считать), а тюркских традиций. На это указывает наличие аналогов этому наконечнику в южноуральских материалах VIII в. (Мажитов, 1981, рис. 3:2).

Датировка, предлагаемая вслед за Е. Вамерсом и И. Габриэль Хеленой Цолль–Адамиковой для предметов групп 1 и 2, – вторая половина 8 в. (Zoll-Adamikowa, 1998, p. 517) – актуальна лишь для двух наконечников без “звериного” орнамента (рис. 2:3, 5) и для наконечника из Stará Kouřim, найденных в погребальных комплексах на территории Великой Моравии. Остальные находки, как правило, случайно обнаружены на западнославянских поселе-

ниях (Zoll-Adamikowa, 1998, p. 518, 519) и лишены возможности датировки по сопутствующему материалу. Как указывалось выше, эти находки относятся, скорее всего, к началу VIII в. Эта дата актуальна и для наиболее ранних находок группы 3 (рис. 2:13–15), ранее относимых преимущественно к концу VIII–IX вв. (Holmquist, Arthenius, 1964, p. 63).

Особый интерес представляет вопрос выяснения принципов ношения наконечников с выступом. Если для роскошно орнаментированных находок группы 3 (рис. 2:13–16) вполне приемлема интерпретация в качестве принадлежности пояса, а для наконечников группы 1 – как детали крепления обуви по меровингской схеме (Bertram, 1995. Tafel 60), то функции наконечников группы 2, на рис. 1 представленных выступом вверх, станет яснее после анализа группы “скандинавские наконечники с выступом”. К ней относится и уникальный наконечник из Музея “Пруссия”.

Орнамент, нанесенный на лицевую сторону находки, обнаруженной в форте № 3, расположен таким образом (рис. 1:3, 2с), что верх его композиции обозначен стилизованной и достаточно затертой головкой человека или (что менее вероятно) животного. Парадигмой для подобного рода схемы является наконечник ремня из Broa (рис. 3:1), выполненный в стиле Броа и датированный ранним (?) IX в. (Karlsson, 1983, p. 38, 104). Здесь представлены шесть симметрично расположенных овальных в плане зон, в которых представлены стилизованные фигурки животных. Зональная композиция увенчана рельефным и довольно реалистичным изображением человеческой головы. Эта же композиция воспроизведена и на артефакте из Музея “Пруссия”. Правда, изготовивший его мастер работал в одной из разновидностей стиля Борре, генетически связанного с более ранним стилем Броа. Более того, декор наконечника интересен тем, что здесь фиксируется аспект трансформации стиля Борре. Как правило, он характеризуется изображением головок животных анфас (Capelle, 1968. Abb. 2), а на публикуемом наконечнике эти головки представлены в профиль, что характерно уже для более позднего стиля Еллинг. В чистом виде этот стиль представлен на оборотной стороне наконечника из Музея “Пруссия”, причем расположение здесь рисунка позволяет предполагать первоначальную длину артефакта – около 6 см, сопоставимую с параметром наконечника из Broa. Дальнейшее развитие скандинавских наконечников с выступом представлено в находках второй половины IX–X вв. из Восточной Европы, суммированных Е. Н. Носовым. Правда, наконечник ремня из Рюрикова Городища (рис. 3:3), декор на котором выполнен в стиле Еллинг, петербургский коллега обозначил как “накладка от конской сбруи, украшенная ор-

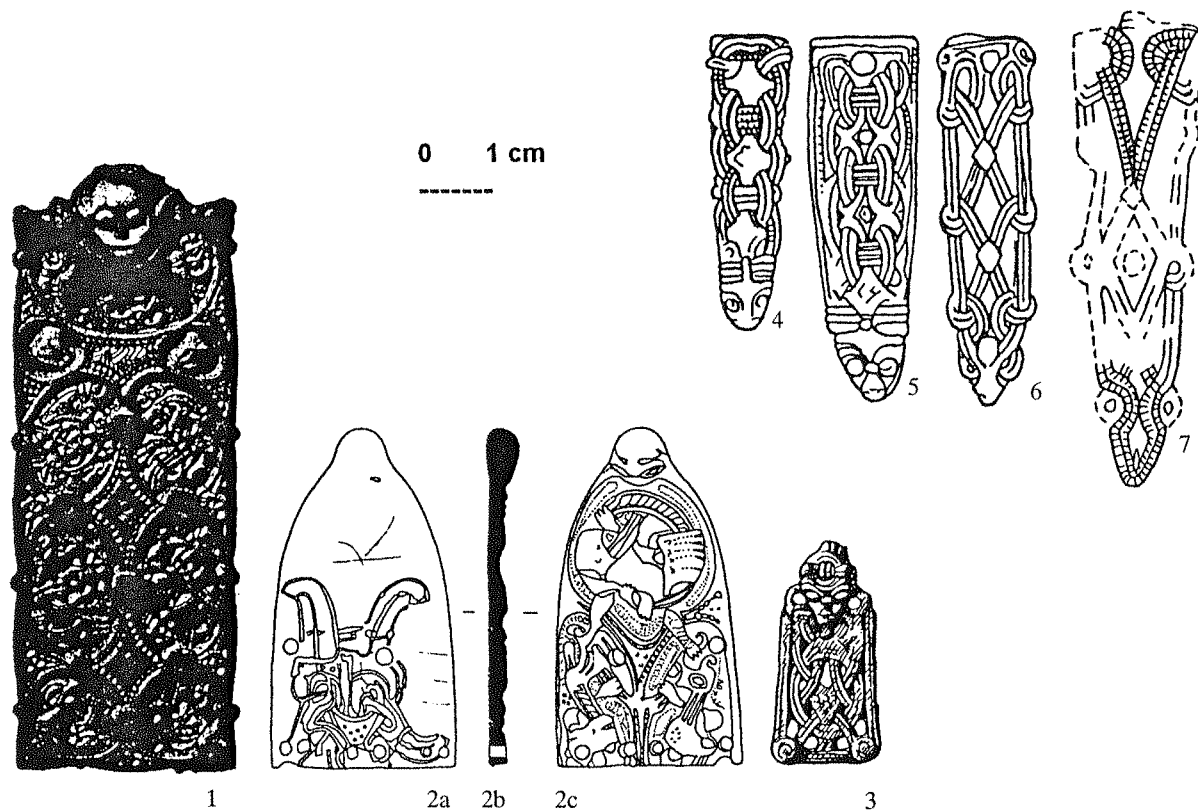

Рис. 3. Группа 4: скандинавские наконечники ремня эпохи викингов (нижний ряд – с выступом, верхний ряд – звериноголовые, вытянутые): 1 – Vroa, Gotland, VIII в. (Швеция); 2a, 2b, 2c – оборотная сторона, сечение и лицевая сторона наконечника ремня из зала № 5 Музея “Пруссия”; 3 – бронзовый наконечник ремня из Рюрикова Городища, вторая половина IX–X вв. (окрестности г. Новгорода Великого); 4–7 – бронзовые наконечники ремней из кург. 16 (по А. А. Спищину–74) Центральной группы Гнёздова (Смоленская обл.); 7 – серебряный наконечник ремня из погр. 86 Yrzekapinis, конец X в. (Зеленоградский р-н Калининградской области) (1 – Karlsson, 1983, Fig. 52; 2 – фонды Калининградского историко-художественного музея (идентификационный № 335); 3 – Носов, 1990, с. 120, рис. 48:2; 4–7 – Сизов, 1905, с. 46–48. рис. 15; 7 – Кулаков, 1992, с. 138. рис. 1:0).

наментом в стиле Борре с изображением стилизованной звериной морды” (Носов, 1990, с. 120). Кстати, именно эта “звериная морда” (итог стилизации личины из Vroa), являясь устойчивым признаком скандинавских наконечников с выступом, еще раз показывает справедливость ориентации наконечника из Музея “Пруссия” выступом вверх. находка из Рюрикова Городища является позднейшим артефактом типа “скандинавские наконечники с выступом”, являющихся, несомненно, североевропейскими подражаниями более ранним континентальным наконечникам с выступом. Отражая стремление поздненевендельской знати, а затем и элиты викингского времени к роскоши и к обладанию европейским мужским убором, эти наконечники восходят к наиболее поздним образцам артефактов группы 3, датированным VIII – первой половиной (?) IX в. (рис. 2:15, 16) и сами не выходят за пределы IX – начала X вв. При этом обращают на себя внимание параметры

и пропорции наконечника из Музея “Пруссия”, полученные после его разлома. Они обрели стандарт, характерный для артефактов группы 2 (рис. 2:8–10). Именно эти стандарт и форма (правда, уже без выступа) характерны для наконечников перевязи церемониального меча германских императоров Салической династии и прочих монархов Европы с IX в. вплоть до начала XIII в. (Schulze-Dörrlamm, 1995, p. 98–101. Abb. 50–54). Такова, видимо, была принадлежность и наконечников группы 2. Роскошные уникалы, они украшали портупею представителей славянской знати VIII в., старавшихся во всем подражать блеску снаряжения своих партнеров/противников – франкской воинской элиты. Показательно то, что мастера изготавливали эти наконечники по византийским образцам. Уже со второй половины V в. “... главенствовавший в политике и хозяйстве (общественный) слой перенимал ... романскую (т.е. – византийскую – В. К.) моду и воспринимался, ... ,

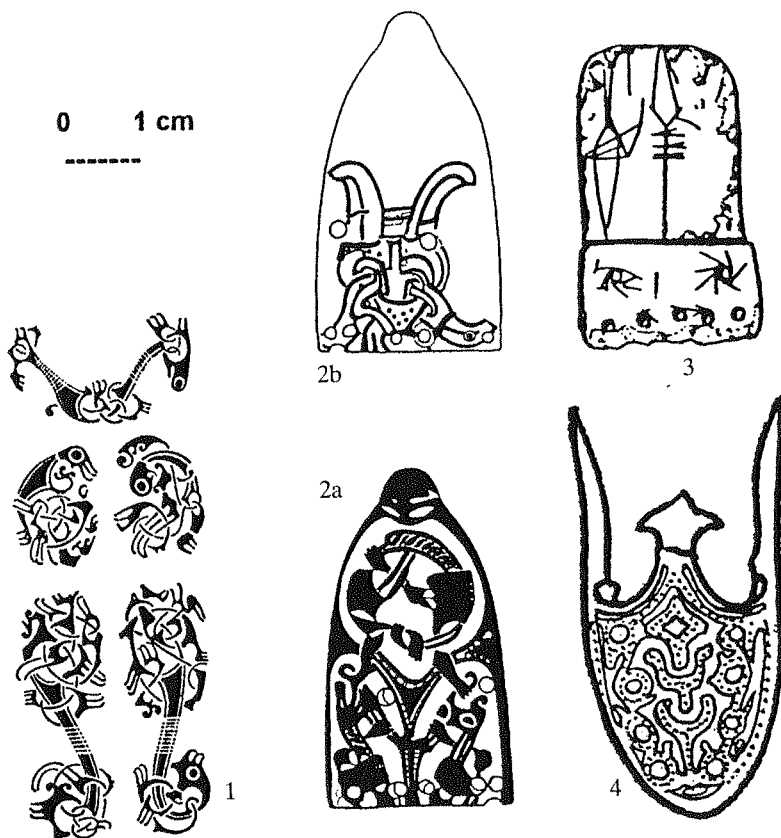

Рис. 4. Орнамент на скандинавских наконечниках с выступом: 1 – наконечник из Broa (Швеция); 2a – лицевая сторона наконечника из Музея “Пруссия”; 2b – оборотная сторона наконечника из Музея “Пруссия”; 3 – оборотная сторона наконечника ремня из погр. 750 Birka (Швеция); 4 – орнамент на наконечнике ножен меча начала XII в. из Pašilė, Raseiniai (Литва) (1 – Karlsson, 1983, Fig. 53; 2a, 2b – фонды Калининградского историко-художественного музея (идентификационный № 335); 3 – Nerman, 1943, Abb. 219; 4 – Mühlen, 1975. Taf.15:10).

в том числе – зрительно, как “поздний римлянин”, что охотно приветствовалось властными структурами франков” (Quast, 1999, p. 121). Условия случайного обнаружения одиночных наконечников перевязи меча в слоях разрушенных западнославянских поселений – свидетельства грабежа павших, с которых впопыхах срывали меч – наиболее престижную добычу. При этом пряжка, располагавшаяся на плечевой портуpee меча ниже наконечника ремня, выступом направленного вверх (это гораздо удобнее, чем обратный вариант расположения пряжки – Kazanski, 2000, p. 30), срывала его с кожаной основы. Так престижные атрибуты элитного снаряжения оказывались в культурном слое.

Репаратура наконечника из Музея “Пруссия” была ориентирована именно на воссоздание формы миниатюрных наконечников ремня портуpee меча, дериватов византийских образцов. До изменения своих размеров наконечник использовался как окончание поясного ремня группы 3, восходящей

к меровингским прототипам. Ориентацию выступом вниз подчеркивает инкрустированная фигура на обороте наконечника, своими птичьими головками направленная в противоположную от выступа сторону. Само присутствие инкрустированной фигуры на этом артефакте также воссоздает обычаи франкских золотокузнецов. Правда, в отличие от выходящих из-под их резцов сугубо декоративных растительных композиций (Wamers, 1998. Abb. 2), изображение на оборотной стороне наконечника из Музея “Пруссия” имеет магическое значение. Это подтверждается прорезанной ниже его руной *kaun*, частично пересеченной царапиной (рис. 3:2a). Магические изображения на оборотной стороне наконечника ремня, сопоставимого по параметрам с экспонатом из Музея “Пруссия”, известны по материалам могильника Бирка (рис. 4:3).

Скандинавские наконечники ремня с выступом, являясь материализованным свидетельством социальных амбиций скандинавской элиты VIII–IX вв., послужили прототипами для появления находок (рис. 3:4–7), достаточно массовых для эпохи викингов и относимых В.В. Мурашовой к наконечникам группы 1 класса XVI второй половины X в. Сохраняя пропорции корпуса наконечников группы 3,

артефакты класса XVI декорированы в стиле Еллинг, причем ведущим признаком их декора являются чередующиеся узлы ромбической формы. Эти узлы восходят к разделителям орнаментальных зон на наконечниках, выполненных в более ранних стилях Броа (рис. 3:1) и Борре (рис. 3:2c; рис. 4:1,2a). На концах наконечников X в. представлены териоморфные маски, в отличие от масок на наконечниках IX в., направленных во внешнюю от наконечника сторону.

Выводы, полученные при анализе наконечников с выступом, среди которых находит свое место и уникальный экспонат из экспозиции Музея “Пруссия”, можно суммировать следующим образом:

1. Миниатюрные наконечники ремней с выступом групп 1 и 2, известные по находкам в верхнем течении рек Эльбы и Вислы, а также на Среднем Дунае (Zoll-Adamikowa, 1998. Abb. 3), то есть на пограничье державы франков и славянского

ареала, восходят к обоймицам византийских пряжек VII в. и датируются, видимо, первой половиной VIII в. – временным hiatusом между “державой Само” и Великоморавским государством. Эти детали элитного военного снаряжения той части местной (или восточнофранкской) знати, которая ориентировалась на “романские” традиции.

2. Наконечники группы 3, своими размерами отличавшиеся от артефактов групп 1 и 2, связаны преимущественно с населением берегов Балтийского моря, которое в вендельскую эпоху и на ранней фазе движения викингов (VIII – первая половина (?) IX в.) следовало меровингской “моде”. Генезис предметов группы 3 указывает на следование их владельцев меровингской “моде”. При этом изготавливавшие наконечники мастера воссоздают блестящую роскошь меровингских плакированных серебром артефактов технологическим приемом Kerbschnitt. Точно также их далекие предшественники в V в. воспроизводили пленительный блеск полихромных изделий позднегуннской эпохи.

3. Использование наконечников трех отмеченных выше групп различно: группа 1 – наконечники обувных и шорных (?) ремней; группа 2 – наконечники плечевой перевязи меча; группа 3 – наконечники поясных ремней.

4. В начале или первой половине IX в. традиция ременных наконечников с выступом перенимается скандинавскими мастерами, использовавшими “звериный” орнамент. Постепенно этот вариант изделий обретает тенденцию к массовости и распространяется в балтийской зоне деятельности викингов, трансформируясь и в обоймицы конского снаряжения (Асташова и др., 1996, с. 74. № 299). Вытянутые пропорции скандинавских наконечников и их место в мужском уборе

указывает на их связь с наконечниками группы 3. Однако переделка артефакта из Музея “Пруссия” указывает на ориентацию его владельца (мастера) на традиции наконечников группы 2, уже в IX в. бывшие актуальными для церемониального инвентаря королей христианской Европы.

5. Возможно, уже на исходе IX в. совмещение функциональных и типологических особенностей артефактов группы 3 и группы “скандинавские наконечники с выступом” стимулирует массовое появление наконечников группы 1 класса XVI (по В. В. Мурашовой), доживающих в Восточной Европе до второй половины X в., а на Янтарном берегу – до последних десятилетий этого века.

6. Уникальный наконечник из экспозиции Музея “Пруссия” не только своим роскошным исполнением, но и наличием магической фигуры и руны на оборотной стороне подчеркивающий высокий социальный статус своего владельца, согласно типологическому анализу относится к IX в. Тем самым устанавливается возможность его принадлежности и к могильнику Neustädterfeld, Stadt Elbing, существовавшему до второй трети IX в. (Кулаков, 1996, с. 137), и Kaup bei Wiskiauten, Kr. Samland. Самые ранние курганы последнего датируются началом IX в. (Кулаков, 1996, с. 144). Использование элементов композиции декора на лицевой стороне наконечника из Музея “Пруссия” в позднейших наконечниках ножен мечей куршей и пруссов Самбии второй половины XI в. (по П. Паульсену – группа IV, по Б. фон цур Мюлен – группа “mit Kreuz und Rankenverzierung”) указывает на возможность соотнесения интересующего нас уникала с курганно-грунтовым могильником Kaup bei Wiskiauten. Этот памятник, в отличие от могильника Neustädterfeld, находится в ареале пруссов-сембов и непосредственно граничит с ареалом куршей.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А. И., 1990 – Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии, Симферополь. 1990. Вып. 1.
- Асташова Н. И., Диатроптов П. Д., Журавлёв Д. В., Костюхина Л. М., Мельникова А. С., Мурашова В. В., Панкова М. М., Пушкина Т. А., Сизова Т. И., 1996 – Путь из варяг в греки и из греков..., Москва. 1996.
- Валуев А. А., Скворцов К. Н., Кулаков В. И., 2000 – Сокровища, возникшие из пепла // Наука в России, 2000. № 4.
- Ковалевская В. Б., 1979 – Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки // Археология СССР. Свод археологических источников, вып. Е1–2, Москва. 1979.
- Кулаков В. И., 1992 – Конское снаряжение пруссов X–XI вв. (проблема относительной хронологии деталей оголовья) // Lietuvos archeologija. Vilnius, 1992. T. 9, p. 137–144.
- Кулаков В. И., 1996 – Труссы и Кауп (протогородские центры в земле пруссов) // Российская археология. 1996. № 3, с. 134–147.
- Кулаков В. И., 1999 – Ирзекапинис // STRATUM plus. Санкт-Петербург, Кишинёв, Одесса. 1999. № 5.
- Кулаков В. И., 2000а – История обнаружения части коллекций Музея “Пруссия” // Российская археология. 2000. № 4, с. 206–217.
- Кулаков В. И., 2000б – Международный симпозиум “Исследования до- и протоистории в Средней и Восточной Европе в 1933–1945 гг.” (Берлин, 1998) // Российская археология. 2000. № 1, с. 257–263.
- Мажитов Н. А., 1981 – Курганы Южного Урала VIII–XII вв.. Москва. 1981.

- Носов Е. Н.**, 1990 – Новгородское (Рюриково) городище. Ленинград. 1990.
- Сизов В. И.**, 1905 – Гнездовские курганы в раскопках С.И. Сергеева // Известия Императорской Археологической Комиссии. Санкт-Петербург. 1905. Вып. 15.
- Фроянов И. Я., Михайлова И. Б.**, 1999 – Город или протогород? (Об одной надуманной исторической категории) // Раннесредневековые древности Северной Руси и её соседей. Санкт-Петербург. 1999.
- Bertram M.**, 1994 – Katalog der Tauschierarbeiten der Merowingerzeit im Bestand des Museums für Ur- und Frühgeschichte // Tauschierarbeiten der Merowingerzeit. Kunst und Technik. Berlin. 1994.
- Bertram M.**, 1995 – Strumpfbandgarnitur // Merowingerzeit. Die Altertümer im Museum für Vor- und Frühgeschichte, Berlin. 1995.
- Bujack G.**, 1897 – Katalog des Prussia-Museums in Nordflügel des Königlichen Schlosses zu Königsberg i. Pr. Königsberg. 1897. Teil II.
- Capelle T.**, 1968 – Der Metallschmuck von Haithabu, Neumünster. 1968.
- Eger Ch.**, 1996 – Eine byzantinische Gürtelschnalle von der Krim in der Sammlung des Hamburger Museums für Archäologie // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии, вып. V, Симферополь. 1996.
- Engel C.**, 1929 – Silber und Goldfunde aus ostpreussischer Vorzeit. Königsberg. 1929.
- Gaerte W.**, um 1934 – Aus Ostpreußens Urzeit (Erklärungen zur Lichtbilderserie), Königsberg. 1934.
- Gaerte W.**, 1937 – Kurzer Führer durch das Prussia-Museum. Königsberg. 1937.
- Holmquist W., Arrhenius B.**, 1964 – Excavations at Helgö, Stockholm-Uppsala, 1964. T. 2, p. 63
- Kleemann O.**, 1937 – Die Wikingerausstellung des Prussia-Museums // Germanen-Erbe. 1937. H. 12.
- Kazanski M.**, 2000 – L'or des princes barbares // Archéologia. Paris. 2000, p. 371.
- Karlsson L.**, 1983 – Nordisk form om djurornamentik, Stockholm. 1983
- Muhl A.**, 1994 – Ornamentik und Bildprogramm merowingerzeitlichen Tauschierungen // Tauschierarbeiten der Merowingerzeit. Kunst und Technik. Berlin. 1994.
- Mühlen B.**, 1975 – Die Kultur der Wikinger in Ostpreussen // Bonner Hefte zur Vorgeschichte. Bonn. 1975. Nr. 9.
- Nerman B.**, 1943 – Birka. Die Gräber. Uppsala. 1943. T. 1. Tafeln.
- Quast D.**, 1999 – Cloisonierte Scheibenfibeln aus Achmim-Panopolis (Ägypten) // Archäologisches Korrespondenzblatt. 1999. Band 29. H. 1.
- Schulze-Dörrlamm M.**, 1995 – Das Reichsschwert. Ein Herrschaftszeichen des Saliens Heinrich IV. und des Welfen Otto IV. Sigmaringen. 1995.
- Tischler O.**, 1880 – Königsberg. Provinzial-Museum der Physikalisch-Ökonomischen Gesellschaft // Katalog der Ausstellung prähistorischer und anthropologischer Funde Deutschlands. Berlin. 1880.
- Wamers E.**, 1998 – Ein bemerkenswerter Fund aus Vensyssel // Studien zur Archäologie des Ostseeraumes von der Eisenzeit zum Mittelalter. Neumünster. 1998.
- Zoll-Adamikowa H.**, 1998 – Eine Knopfriemenzunge kleinen Formats vom Wawel in Kraków. Das östliche Vorkommen frühkarolingischer Tierornamentik // Studien zur Archäologie des Ostseeraumes von der Eisenzeit zum Mittelalter. Neumünster. 1998.
- Żak J.**, 1979 – Frankijskie elementy kulturowe w kulturze protopolskiej (V/VI-IX w.) // Pomorania Antiqua. 1979. T. 8.

UNIKALUS „PRŪSIJOS“ MUZIEJAUS EKSPONATAS

Vladimiras Kulakovas

Santrauka

2000 m. birželį Kaliningrado istorijos ir dailės muziejaus forte Nr. 3 (šiuo metu – Severnaja Gora gyvenvietė šiauriniame Kaliningrado pakraštyje) tarp „Prūsijos“ muziejaus eksponatų, sandėliuotų ten 1944–1945 m., buvo rastas miniatiūrinis sidabrinis diržo antgalis su išlikusia puikios kokybės aukso danga įdubimuose. Tai 4,5x2,5 cm dydžio ir 0,2–0,4 cm storio plokštelė, išlieta vaško formoje, turinti nupjautos elipsės su antropo ar teriomorfiniu pastorėjimu viršuje formą. Šis dirbinys yra ilgesnio diržo antgalio, kuris buvo įkirstas ir sulaužytas, dalis. Nesant duomenų apie šio eksponato kilmę, buvo atlikta jo tipologinė analizė.

Savo forma bei parametrais antgalis iš „Prūsijos“ muziejaus yra artimas „diržo antgalio su iškyša“ (*Knopfriemenzungen*) tipui, kuris antroje VIII a. pusėje buvo plačiai paplitęs tarp Šiaurės jūros ir Adriatikos. Šie antgaliai atstovauja trims radinių grupėms, kurioms giminą „skandinaviškų antgalių su iškyša“ grupė, ir pastariesiems giminę 1 grupės XVI klasės antgaliai (pagal V. Murašova). Išaiškintos šių grupių genezė ir plėtotė.

1. 1 ir 2 grupių miniatiūriniai diržų antgaliai su iškyša, žinomi iš radinių frankų valstybės ir slavų arealo pasienyje, yra kilę iš bizantiškų VII a. apkalų, todėl turėtų būti datuojami VIII a. pirmąja puse.

2. 3 grupės antgaliai, savo dydžiu besiskiriantys nuo 1 ir 2 grupės dirbinių, daugiausia yra susiję su Baltijos jūros pakrantės gyventojais, kurie Vendelio epochoje ir ankstyvojoje vikingų judėjimo fazėje (VIII a. – pirmoji pusė (?) – IX a.) laikėsi merovingų mados.

3. Trijų minėtų grupių antgaliai buvo naudojami skirtingiems tikslams: 1 grupė – apavo ir pakinktų (?) diržų antgaliai; 2 grupė – kalavijo perpetės antgaliai; 3 grupė – juosmens diržo antgaliai.

4. IX a. pradžioje arba pirmojoje pusėje diržų antgalių su iškyša tradicija perimama skandinavų meistrų, naudojusių gyvulinį ornamentą.

5. Tikėtina, kad baigiantis IX a. 3 grupės ir skandinaviskų antgalių su iškyša grupės dirbinių funkcinių ir technologinių ypatybių suderinimas paskatino masinį 1 grupės XVI klasės (pagal V. Murašovą) antgalių atsiradimą.

6. Unikalus antgalis iš „Prūsijos“ muziejaus ekspozicijos pagal tipologinės analizės rezultatus yra priskirtinas IX a. Kartu nustatoma jo galima priklausomybė Neustädtefelde (Stadt Elbinge) kapinynams, egzistavusiems iki IX a. antrojo trečdalyje, ir Kaup bei Wiskiauten (Sambija) kapinynams. Seniausi Kaupo pilkapiai datuojami IX a. pradžia.

ILIUSTRACIJŲ SĄRAŠAS

1 pav. Paaukuotas sidabrinis diržo antgalis iš Prūsijos muziejaus ekspozicijos (dešinėje – priekinė pusė, kairėje – atvirkščioji pusė) (Kaliningrado istorijos ir dailės muziejaus fondai, identifikacijos Nr. 335).

2 pav. Trys „antgalių su iškyša“ grupės Vakarų ir Šiaurės Europoje (VI–IX a.) ir jų prototipai. 1 grupė: 1 – bizantiška sagtis iš kapo Nr. 218 Eski-Kermene (Krymas), apie 650–675 m.; 2 – diržo antgalis iš Podsusedo (Čekija); 3 – diržo antgalis iš Mikulčico, Nr. 108 (Čekija); 4 –

diržo antgalis iš Mikulčico, objektas 673 (Čekija); 6 – diržo antgalis iš „Prūsijos“ muziejaus ekspozicijos (surinkta V. Strokinio, 1967 m.); 2 grupė: 7 – bizantiška sagtis iš 193 rūšio Eski-Kermene (Krymas), apie 650–700 m.; diržo antgalis iš Petroneli, Bruck an der Leitha apskritis (Austrija); 9 – bronzinis diržo antgalis iš Krokuvos (Lenkija) Vavelio pilies; 10 – diržo antgalis iš Prambachkirchen, Eferdingo apskritis (Austrija); 3 grupė: 11 – juosmens plokštelė iš Chivres, Aisne departamentas (Prancūzija), apie 650–700 m.; 12 – diržo antgalis iš vyskupo Endolau (Endolus) kapo, Saint Evre, Meurthe-et-Moselle departamentas (Prancūzija), apie 650–700 m.; diržo antgalis iš Stara Koužimo (Čekija); 14 – paaukuotas bronzinis diržo antgalis iš Helgö (Švedija), VIII–IX a.; 15 – bronzinis diržo antgalis iš kapo Nr. 149 Yrzekapinyje (Kaliningrado sr. Zelenogrado r.), VIII a. – IX a. pr.; 16 – diržo antgalis iš kapo Nr. 618 Birkoje (Švedija), apie 800–850 m.

3 pav. 4 grupė: skandinavų vikingų epochos diržų antgaliai (apatinė eilė – antgaliai su iškyša, viršutinė eilė – su žvėrių galvomis, pailgi); 1 – Broa, Gotlandas (Švedija), VIII a.; 2a, 2b, 2c – diržo antgalio iš „Prūsijos“ muziejaus salės Nr. 5 atvirkščioji pusė, skerspjūvis ir priekinė pusė; 3 – bronzinis diržo antgalis iš Riurikovo Gorodišče (Novgorodo apylinkės), IX a. antroji pusė – X a.; 4–7 – bronziniai diržų antgaliai iš Gniodzovo (Smolensko sritis) centrinės grupės pilkapio Nr. 16 (pagal A. Spyciną); 7 – sidabrinis diržo antgalis iš kapo Nr. 86 Yrzekapinyje (Kaliningrado sr. Zelenogrado r.), X a. pabaiga.

4 pav. „Skandinaviskų antgalių su iškyša“ ornamentas: 1 – antgalis iš Broa (Švedija); 2a – antgalio iš „Prūsijos“ muziejaus priekinė pusė; 2b – antgalio iš „Prūsijos“ muziejaus atvirkščioji pusė; 3 – diržo antgalio iš Birkos (Švedija) kapo Nr. 750 atvirkščioji pusė; 4 – XII a. pradžios kalavijo makštų antgalio iš Pašilės, Raseinių rajonas (Lietuva), ornamentas.

Iš rusų k. vertė Inita Tamošiūnienė

EINZIGARTIGES AUSSTELLUNGSSTÜCK DES “PREUßLAND” MUSEUMS

Vladimir Kulakov

Zusammenfassung

Im Juni 2000 wurde im Fort Nr. 3 des Geschichte- und Kunstmuseums von Kaliningrad (Königsberg) (jetzt – Dorf Severnaja Gora am Nordrand von Kaliningrad) zwischen den Ausstellungstücken des “Preußland” Museums, die hier während der Jahre 1944 bis 1945 aufbewahrt wurden, eine Miniaturanfertigung des silbernen Riemenendstücks mit guterhaltenen Goldschicht in Vertiefungen gefunden. Das ist eine in einer Wachsform ausgegossene Platte (4,5x2,5 groß und 0,2–0,4 cm dick) in Form einer abgeschnittenen Ellipse und

mit einer antrophischer oder theriomorphischer Verdickung oben. Dieses Erzeugnis ist ein Teil eines längeren Riemenendstücks, das eingehaut und zertrümmelt wurde. Wegen des Mangels an Daten über die Herkunft des Ausstellungstückes wurde seine typologische Analyse durchgeführt.

Seiner Form und seinen Parameter nach ist der Endstück aus dem “Preußland” Museum dem Typ einer Knopfriemenzunge ähnlich, die in zweiter Hälfte des 8. Jh. auf dem Gebiet zwischen Nordsee und Adriatik verbreitet

war. Diese Endstücke sind durch drei Fundgruppen vertreten, die mit der Gruppe der skandinavischen Knopfriemengungen, sowie mit der 1. Gruppe 16. Klasse der letzteren verwandt sind. (laut W. Muraschowa). Die Entstehung und Entwicklung der gegebenen Gruppen wurde aufgeklärt:

1. Die Miniaturanfertigungen der Knopfriemengungen der 1. und 2. Gruppe sind von den Funden am Rande des Frankengroßstaates und slawischen Areals bekannt und stammen aus der byzantinischen Speergurten des 7. Jh., deshalb sollten in die erste Hälfte des 8. Jh. datiert werden.

2. Die Endstücke der 3. Gruppe, die sich ihrer Größe nach von den Erzeugnissen der 1. und 2. Gruppe unterscheiden, beziehen sich zum größten Teil auf Einwohner der Ostseeküste, die während der Wendelepoche und früheren Phase der Wikingerwanderung (1. Hälfte des 8. Jh. (?) bis 9. Jh.) die merowingische Tradition pflegten.

3. Die Endstücke der drei erwähnten Gruppen wurden zur unterschiedlichen Zwecke verwendet: 1. Gruppe – Schuh- und Pferdegeschirrendstücke (?); 2. Gruppe – Schwertbandendstücke; 3. Gruppe – Gürtelendstücke.

4. Zu Beginn oder in ersten Hälfte des 9. Jh. wurde die Tradition der Knopfriemengungen von skandinavischen Meistern übernommen.

5. Wahrscheinlich, hat am Ende des 9. Jh. die Ausgleichung der funktionalen und technologischen Besonderheiten von Endstücken der 3. Gruppe und der skandinavischen Knopfriemengungen eine massenhafte Entstehung der Endstücke der 1. Gruppe 16. Klasse (laut W. Murashiov) veranlasst.

6. Das einzigartige Endstück aus der Ausstellung des "Preußland" Museums gehört laut der Ergebnisse der typologischen Analyse in das 9. Jh. Gleichzeitig wird seine mögliche Zugehörigkeit zu den Begräbnisplätzen von Neustädtefelde, Stadt Elöbänge, die bis zum zweiten Drittel des 9. Jh. existierten, sowie denen von Kaup bei Wiskiautene, Kreis Samlande. Die ältesten Hügelgräber werden aus dem Anfang des 9. Jh. datiert.

ABBILDUNGENVERZEICHNIS

Abb. 1 Vergoldetes Riemenendstück aus Silber von der Ausstellung des „Preußland“ Museums (rechts – Vorderseite, links – Rückseite) (Sammlung des Geschichte – und Kunstmuseums von Kaliningrad, Identifikationsnummer 335).

Abb. 2. Drei Gruppen der westeuropäischen und nordeuropäischen Knopfriemengungen (6. bis 9. Jh) und ihre Prototype. 1. Gruppe: 1 – byzantische Schnalle aus dem Grab Nr. 218 im Eski – Kermen (Krim), um Jahre 650 bis 675; 2 – Riemenzunge aus Podsused (Tschechien); 3 – Riemenzunge aus dem Mikultschitz (Tschechien), Nr. 108; 4 – Riemenzunge aus Mikultschitz, Objekt 673 (Tschechien); 6 – Riemenzunge aus der Ausstellung des "Preußland" Museums (gesammelt von W. Strokin, J. 1967); 2. Gruppe: 7 – byzantische Schnalle aus dem 193. Keller in Eski – Kermen (Krim), um Jahre 650 bis 700; 8 – Riemenzunge aus Petronel, Kreis Bruch an der Leitha (Österreich); 9 – Bronze-Riemenzunge aus dem Schloß Wawel in Krakau (Polen); 10 – Riemenzunge aus Prabachkirchen, Kreis Eferding (Österreich); 3. Gruppe: 11 – Gürtel aus Chivres, Departement Aisne (Frankreich), um Jahre 650 bis 700; 12 – Riemenendstück aus dem Grab von Bischof Endolus, Saint Evre, Departement Meurthe – et – Moselle (Frankreich), um Jahre 650 bis 700; 13 – Riemenendstück aus Stari Kouržim (Tschechien); 14 – vergoldetes Bronze – Riemenendstück aus Helgö (Schweden), 8. bis 9. Jh; 15 – Bronze- Riemenendstück aus dem Grab Nr. 149 in Yrzekapin (Kaliningrad Gebiet, Bezirk Zelenograd), 8. Jh. bis A. 9. Jh; 16 – Riemenendstück aus dem Grab Nr. 618 in Birka (Schweden), um Jahre 800 – 850.

Abb. 3. Gruppe: skandinavische Knopfriemengungen aus der Wikingerepoche (untere Reihe – Knopfriemengungen, obere Reihe – mit Tierköpfen, ovale); 1 – Broa, Gottland (Schweden), 8. Jh.; 2a, 2b, 2c – Rückseite, Querschnitt und Vorderseite von dem Riemenendstück aus der Halle Nr. 5 des "Preußland" Museums; 3 – Bronze-Riemenendstück aus dem Städtchen Riurikovo (Umgebung von Novgorod), zweite Hälfte des 9. Jh. bis 10. Jh.; 4–7 – Bronze – Riemenendstücke aus dem Hügelgrab Nr. 16 der mittleren Gruppe im Gniozdovo (Smolensk Gebiet) (laut A. Spitzin); 7 – silbernes Riemenendstück aus dem Grab Nr. 86 in Yrzekapin (Kaliningrad Gebiet, Bezirk Zelenograd), Ende des 9. Jh.

Abb. 4. Ornament der skandinavischen Knopfriemengungen: 1 – Endstück aus Broa (Schweden); 2a – Vorderseite des Endstückes aus dem "Preußland" Museum, 2b – Rückseite des Endstückes aus dem "Preußland" Museum; 3 – Rückseite des Riemenendstückes aus dem Grab Nr. 750 in Birka (Schweden); 4 – Ornament der Schwertscheide aus Pašilė, Bezirk Raseiniai (Litauen), Anfang des 12. Jh.

*Übersetzung aus dem Lithauischen
von Eglė Kažiniauskaitė*